

INSPIRIA

СОЖЖЕНИЕ

«Новый голос
с огромным талантом
и перспективами».

АМИТАВ ГОШ

МЕГХА
МАДЖУМДАР

INSPIRIA

Loft. Современный роман

Мегха Маджумдар
Сожжение

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Маджумдар М.

Сожжение / М. Маджумдар — «Эксмо», 2020 — (Loft.
Современный роман)

ISBN 978-5-04-171239-6

Захватывающий дебютный роман о трех героях, живущих в современной Индии, которые преследуют разные цели: подняться до среднего класса, примкнуть к политической власти, добиться славы в кино — и обнаруживают, что их жизни напрямую зависят от недавнего происшествия. Дживан, мусульманская школьница из трущоб, из-за неосторожного комментария в социальной сети обвиняется в совершении теракта в поезде. Физрук из ее школы может выступить свидетелем на суде и спасти девочку от гибели, но перед ним встает сложный выбор: собственная карьера на политическом поприще или оправдание невиновного. Хиджра Лавли, представительница касты неприкасаемых, обучалась у Дживан английскому языку, и у нее есть для нее алиби, которое поставит точку в этом деле. Но тогда Лавли должна поставить на кон все, чего успела добиться.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-171239-6

© Маджумдар М., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

· Дживан ·	6
· Лавли ·	8
· Дживан ·	11
· Лавли ·	12
· Дживан ·	14
· Мать и отец Дживан ·	16
· Дживан ·	18
· Физрук ·	19
· Дживан ·	22
· Физрук ·	24
· Дживан ·	29
· Физрук ·	31
· Дживан ·	32
· Лавли ·	34
· Дживан ·	36
· Физрук ·	38
· Дживан ·	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Мегха Маджумдар

Сожжение

Моим отцу и матери, которые сделали все возможное.

Megha Majumdar

A BURNING

Copyright © 2020 by Megha Majumdar

© Левин М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

· Дживан ·

– От тебя пахнет дымом, – сказала мне мать.

И я стала тереть себе волосы овальным бруском мыла и вылила на себя целое ведро воды, пока сосед не пожаловался, что я трачу утренний привоз.

В тот день был комендантский час. По главной улице каждые полчаса медленно проезжал полицейский джип. Поденщики, вынужденные идти на работу, возвращались домой с поднятыми руками, показывая, что у них нет оружия.

В кровати, разметав мокрые волосы по подушке, я взяла свой новый телефон – купленный на собственные деньги, еще защитную пленку с экрана не сняла.

В соцсети обсуждали только одну тему.

Эти террористы напали не на тот район

#НападениеНаПоездКолабаган #Непобедимые

Друзья, если у кого есть пятьдесят рупий, обойдитесь сегодня без самосы и пожертвуйте их...

Чем дальше я листала ленту, тем больше рассказывалось.

В новостном ролике, снятом специально для 24-часового шоу, показывают как... Бдение при свечах в...

Накануне вечером я была на станции, туда от моего дома не больше пятнадцати минут пешком. Я должна была видеть людей, которые заглядывали в открытые окна и бросали в остановившийся поезд горящие факелы, но видела я только вагоны – они горели, двери у них были заперты снаружи, горячие – не дотронуться. Огонь перекинулся на домишки рядом со станцией, их обитателей стал душить дым. Погибло более ста человек. Правительство обещало семьям погибших компенсации – восемьдесят тысяч рупий! – которые... ну, правительство много чего обещает. На видеозаписи премьер-министр – ему в подбородок уткнулось не меньше дюжины микрофонов – говорил: «Пусть соответствующие органы проведут расследование». Кто-то вставил в это видео перебивку: полицейские чешут в затылке. Получилось смешно.

Меня восхищали эти незнакомцы в соцсети, которые что хотят, то и говорят. И не боятся шутить. Хоть полиция, хоть министры, они над всеми смеются, и разве не это называется свободой? Я надеялась, что после еще нескольких зарплатных чеков, когда я дослужусь до старшего продавца в «Панталунз», я тоже буду в этом смысле свободна.

Ниже на той же странице – видеоклип. На переднем плане женщина: волосы растрепаны, черная струйка из носа стекает на губы, глаза налиты кровью. Она стоит на наклонной платформе нашей маленькой станции и кричит в микрофон: «Там стоял полный джип полицейских; спросите их, чего они стояли и смотрели, когда мой муж горел. Он пытался открыть дверь, спасти нашу дочь, пытался, пытался...»

Этим видео я поделилась и добавила заголовок: «Оплачиваемые правительством полицейские смотрели и ничего не делали, а эта женщина потеряла все».

Так я написала.

Потом я положила телефон рядом с собой и задремала, от жары слипались глаза. А когда проснулась и проверила телефон – там было всего два лайка. Посмотрела через полчаса – те же два лайка.

А потом какая-то женщина, я ее не знаю, откомментировала: «Откуда ты знаешь, что она не врет? Может, внимания хочет!»

Тут я села. Я что, с этой теткой во френдах? На фото в профиле она позировала в ванной.

«Ты вообще смотрела видео?» – ответила я.

Слова этой бессердечной женщины не шли из головы. Да, они вызвали у меня раздражение, но и еще как-то зацепили, вывели из равновесия, завели. Но не так, как заводиться, когда нет воды в муниципальной колонке или вырубают свет в самую жаркую ночь. Может быть, это все из-за праздности, душевное волнение от безделья?

Для меня этот день был в конце концов выходным. Мать приготовила рыбную мелочь – мы ели ее с костями и хвостами. Отец грелся на солнышке, боль в спине у него на время отступила.

Я листала ленту и видела, как посты о нападении на поезд зарабатывают пятьдесят, сто, триста лайков. А мой не лайкал никто.

И тогда я на маленьком светящемся экранчике написала глупость. Написала опасную вещь – те слова, которые даже думать нельзя, не то что писать.

Прости, мам.

Если полиция не помогает простым людям вроде вас и меня, если полиция смотрит, как они гибнут, не значит ли это, – написала я в соцсети — что само правительство – тоже террорист?

На улице медленно крутил педали велорикша. Единственным пассажиром была его маленькая дочка, и клаксон радостно бибибал, приводя ее в восторг.

· Лавли ·

Воскресное утро! Пора на урок актерского мастерства. Покачивая бедрами так и этак, прохожу мимо продавца гуавы.

– Брат! – окликаю я его. – Сколько времени?

– Половина девятого, – бурчит он. Ему неохота делиться со мной показаниями своих наручных часов. Бог с ним. Оставив свою стильную походку, припускаю лошадиной рысью к железнодорожной станции. И уже в поезде, когда я прикасаюсь к груди и ко лбу, произнося молитву за тех бедняг, что недавно погибли на этой самой станции...

– Кто там толкается? – кричит какая-то тетка. – Прекратите!

– Этой хиджре¹ обязательно в нашем вагоне чухаться? – шипит продавец арахиса, будто у меня ушей нет.

Для таких, как я, все непросто, даже какой-то час в поезде. Мои груди – из тряпок. Ну и что? Найдите во всем городе хоть одну женщину, чтобы была настолько женщиной, как я.

Сквозь толпу пробирается безногий нищий на доске с колесами, едет прямо по ногам.

– Подайте монетку, – ноет он. На него орут:

– Куда прешь?

– Слепой, что ли?

– Куда мне встать, тебе на голову?

Наконец он огрызается:

– Давай я тебе ноги отрежу, посмотрим, как ты запрыгаешь!

Все это вызывает у меня совершенно неудержимый смех. Вот за что я люблю местные поезда. Можно сжечь целый поезд, но нам все равно надо добираться до работы, до учебы, до семьи – если таковая имеется. Каждый местный поезд – он как кино. В вагоне я смотрю на лица, жесты, слушаю голоса, перебранки. Благодаря им учатся такие, как я. Когда поезд раскачивается, набирая скорость, ветер треплет мне волосы, я хватаюсь пальцами за потолок, выпрямляюсь и делаю растяжку, чтобы подготовиться к занятиям у мистера Дебната.

* * *

Мистер Дебнат сидит в кресле, пьет чай из блюдца. Так чай остывает быстрее, и не приходится на него дуть.

Мне рассказывали о преподавателях актерского мастерства, которые своих учеников используют. Но мистер Дебнат не такой. У него принципы. В юные годы у него был шанс самому снять фильм, но шанс этот был в Бомбее. Пришлось бы туда ехать на полгода как минимум, а у него в это время старуха-мать лежала в больнице. Это ж кем надо быть, чтобы в погоне за мечтой бросить мать? Он пожертвовал мечтой и остался с матерью. Рассказывая нам эту грустную историю, он плакал – единственный раз я такое видела.

У ног мистера Дебната сидят шестеро других учеников. Бриджеш, он работает электриком, Румели – продает волшебную мазь от сыпи, Пеонджи – клерк в страховой компании, Радха – учится на медсестру, и Джоита, счетовод отцовской лавочки по перезарядке фломастеров. Чем занимается Кумар, никто точно не знает, потому что он только смеется в ответ на все вопросы.

Все мы экономим, экономим и сдаем на каждом занятии по пятьдесят рупий.

¹ Хиджра – в Индии, Пакистане и Бангладеш одна из каст неприкасаемых, в которую входят кастраты, трансгендеры и гомосексуалисты (*Здесь и далее – прим. ред.*).

Сегодня в гостиной – это наша сцена – мы сдвигаем в сторону обеденный стол и разыгрываем этюд: муж подозревает свою жену. После нескольких, скажем так, не самых блестящих выступлений настает моя очередь. Я пристраиваю на полу телефон – записать себя, чтобы было потом, что разбирать, – выхожу на середину комнаты и поворачиваю голову слева направо и справа налево. Покойные родители мистера Дебната, вечная им память, строго смотрят на меня со стен. Мне становится жарко, хотя вентилятор работает на полную мощность.

Пора выступать! На сей раз мой партнер – Бриджеш, электрик. Согласно сценарию, который нам дает мистер Дебнат, Бриджеш – точнее, подозрительный муж – должен схватить меня за плечи сильно и злобно. Но он едва прикасается ко мне. Приходится выйти из роли:

– Не так! – говорю я. – Ты меня держишь, будто я нежный цветочек, какие уж тут сильные чувства? Я должна их ощутить – твой гнев, бешенство! Давай!

Мистер Дебнат такое одобряет. Если ты сам этого не чувствуешь, всегда говорит он, как это почувствует твой зритель?

Так что я бью Бриджеша по плечу, слегка бью, чтобы хоть немного разозлился, чтоб вел себя со мной по-мужски. Он что-то бормочет себе под нос, и я говорю:

– Не поняла! Вслух скажи!

Бриджеш продолжает что-то мямлить, а потом выдает:

– Уфф... Лавли, не заставляй меня это говорить. Не могу я изображать семейную сцену с человеком, который наполовину мужчина.

Тут часы бьют одиннадцать раз, и мы все их молча слушаем. У меня щеки горят. Нет, я давно к такому привыкла – на дороге, в поезде, в магазине. Но на занятиях по мастерству? От Бриджеша?

Так что я просто отбрасываю его оскорбление в сторону. Как мусор.

– Слушай, Бриджеш, – говорю я ему. – Ты мне как брат. Если я могу играть с тобой романтику, то и ты со мной можешь!

– Вот да, – подтверждает мистер Дебнат. – Если относишься к фильму серьезно, то надо погружаться в роль целиком...

Мистер Дебнат читает Бриджешу целую лекцию. Когда он делает паузы, слышно, как тикают часы на стене.

И наконец Бриджеш по предложению мистера Дебната складывает ладони, прося у меня прощения, а у меня уже тоже слезы стоят в глазах. Румели сморкается в дупатту ². Мистер Дебнат хлопает в ладоши и говорит:

– Вложите эти свои эмоции в этюд!

Момент очень напряженный. Все откладывают мобильники, а я рычу:

– Ты посмел ударить мать!

Я чувствую гнев персонажа у себя в груди. Эта гостиная с креслом и задвинутым в угол столом, с ящиком, полным пыльных плюшевых игрушек, на самом деле – сцена в Бомбее. Лампочка светит ярко, как направленный на меня прожектор. По улице идет набивщик подушек, играя на своем рабочем инструменте, как на арфе. От безликой уличной массы меня отделяют лишь тонкие шторы на окнах.

И я, сдерживая эмоции, понизив голос, даю следующую реплику:

– Разве не из чрева матери ты вышел?

Бриджеш: Ха! Можно подумать, ты достойна считаться матерью! Думаешь, я ничего не знаю?

Я: Клянусь, это не то что ты думаешь. Позволь мне объяснить. Прошу тебя, дай я все объясню.

Бриджеш (с каменным лицом смотрит в воображаемое окно).

² Дупатта – длинный шарф, часть традиционного индийского женского костюма.

Я: Не хотела тебе рассказывать о своем прошлом, но ты меня вынуждаешь, и я раскрою свою тайну. Это не я была с тем человеком. Это моя сестра-близнец.

Боже, что за диалог! Конец этюда.

У меня ладони в холодном поту, но сердце взмывает, как воздушный змей. В комнате – громоподобное молчание. И даже уборщица стоит в дверях, застыв с веником и совком в руках, отвесив челюсть. При виде ее меня так и подмывает улыбнуться. Наконец я схожу со сцены и возвращаюсь в комнату.

У мистера Дебната слегка безумный вид.

– Вот как это делается! – шепчет он, и глаза у него раскрыты шире обычного. Мистер Дебнат пытается надеть сандалии и встать с кресла, но одна сандалия все время отодвигается, когда он в нее всовывает ногу. Тем не менее вид у него очень серьезен.

– Дети мои, заметили, как она голосом работает? – говорит он. – Заметили, как она это чувствует и как это чувство передается вам?

У него изо рта фонтаном брызжет слюна, капельки оседают на головах слушателей.

Радха, сидящая прямо под ним, отрывает уголок лежащей на полу газеты и вытирает себе волосы.

Почти год назад я впервые пришла к мистеру Дебнату. Он предложил провести собеседование на улице. Потому что – так он объяснил – дом сейчас красят, так что сесть негде.

Чушь, конечно. Где ж были все эти маляры, кисти, ведра, лестницы?

Правда заключалась в том, что миссис Дебнат не желала видеть в своем доме хиджру.

Так что я стояла на улице, то и дело уклоняясь от рикш – чтоб не въехали мне в зад. А мистер Дебнат спрашивал:

– Почему вы так заиклены на актерском ремесле? Это же очень трудное дело!

У меня размазалась тушь, а помада осталась на какой-то чайной чашке. От подмышек воняло, волосы нагревались на солнце так, что болела голова. Но на такой вопрос я всегда могла ответить.

– Я играю всю жизнь. Я играла в поездах и на дорогах, я играла радость и восторг, я играла божественное откровение. – А сейчас, – сказала я мистеру Дебнату, – дайте поработать на камеру.

И вот сегодня я стою, складывая ладони. Кланяюсь. А что еще делать, когда тебе так хлопают? Хлопают и хлопают, поклонники мои. Поклонник-счетовод, поклонник – продавец мази, поклонник – страховой агент. И даже когда я машу рукой, улыбаясь чересчур широко, и говорю «перестаньте», они все хлопают и хлопают.

· Дживан ·

Через несколько дней раздался стук в дверь. Было поздно, часа два-три ночи, когда от любого звука сердце к горлу подпрыгивает.

– Проснись, проснись! – кричала мать.

Из темноты высунулась рука и потащила меня из постели прямо в ночнушке. Я орала и отбивалась, уверенная, что это какой-то мужчина хочет сделать то, что мужчины делают. Но это была женщина-полицейский.

Отец – на полу, больная спина напряглась и застыла, – попытался что-то сказать и не смог. Ночь превратила его в младенца.

Потом я оказалась в кузове полицейского фургона и через проволочную сетку смотрела на дорогу, оранжевую от уличных фонарей. Я уже устала допытываться у сидящих передо мной женщины и двоих мужчин – та самая полицейская и еще двое:

– Сестра, что случилось-то? Я же никогда никаких дел с полицией не имела! Я простая девушка, работаю в «Панталунз».

Они молчали. Время от времени неразборчиво трещала рация впереди, на приборной доске.

В какой-то момент машину заполнили голоса спешащих мимо ребят, радостные возгласы, улюлюканье. Они шли из ночного клуба, и виляющий полицейский фургон для них ничего не значил. Они не убавили шагу и не испугались. Их отцы знакомы с комиссаром полиции, с депутатами законодательного собрания, с людьми, для которых не существует проблем. А я – как мне из этого выбраться? Я с кем знакома?

· Лавли ·

Вечером, после актерского мастерства, я лежу в постели с Азадом – это мой муж. Он бизнесмен, покупает и продает электронику «Сансунг» и наручные часы «Тони Хилфигер» с китайских кораблей, причаленных в Алмазной гавани. Я показываю ему учебное видео с сегодняшнего занятия, и он говорит:

– Я ж тебе сто раз говорил: есть в тебе тот материал, из которого делаются звезды!

Он щиплет меня за щеку, и я смеюсь, хотя мне и больно. Настроение у меня мирное, будто этот блин-матрасик на полу – наша роскошная постель в пятизвездочном отеле. В этой комнате есть все, что мне нужно. Кувшин с питьевой водой, тарелки, маленькая керосинка и полка для моих вещей и украшений. На стене – благословляющие меня каждый день Приянка Чопра и Шахрух Хан. Оглядываясь, я вижу эти красивые лица, и часть их удачи летит на меня брызгами.

* * *

– Азад, – говорю я в этот вечер. Его лицо совсем рядом с моим, будто в романтической сцене из блокбастера. – Обещай, что не рассердишься, если я тебе кое-что скажу?

Я замолкаю, глядя в его смуглое лицо. Из бровей торчат несколько длинных волосков – как будто замышляют побег. Мне нелегко смотреть ему в глаза, когда я говорю следующие суровые слова:

– Ты совсем, – говорю я наконец, – не думаешь о семье? Мы не так молоды, чтобы...

Азад меня перебивает, как всегда:

– Опять? Мой брат сюда приходил?

– Нет!

– Это он тебе такой чушью голову заморочил?

– Нет, говорю тебе!

Почему Азад обвиняет меня в таких вещах?

– Все знают, что так на свете повелось, Азад, – говорю я. – Да, мир старомоден, мир – глупец. Но твои родные хотят, чтобы ты женился на хорошей девушке, завел детей. А теперь посмотри на меня: я тебе такого будущего дать не смогу.

И тут же я жалею о своих словах. Огромная, чудовищная ошибка. Я хочу быть с Азадом всегда – зачем же я тогда его отталкиваю?

* * *

Вообще-то Азад прав. Его брат приходил как-то раз ночью, до рассвета, звонил в звонок, колотил кулаком в дверь. Такой шум поднял, что уличные псы залились лаем.

Когда я наконец вылезла из кровати и открыла дверь, брат Азада заорал мне прямо в лицо:

– Что за порчу ты на него навела, ведьма!

– Тсс! – говорила я. – Не шуми, ночь же! Люди спят!

– Ты не указывай, что мне делать, ведьма! – орал он, грозя пальцем.

Прохожий, писающий в канаву, посмотрел на него, потом на меня, потом снова на него и на меня. А в остальном было темно и тихо, но наверняка все всё слышали.

– Ты его в капкане держишь! – орал этот брат. – Отпусти его! Пусть женится, как нормальный человек!

Я просто стояла, держа открытую дверь.

– Утихни, – сказала я спокойно. – А то тебя удар хватит.

Я была в ночнушке, уши у меня горели. Вся округа оказалась в курсе моих дел. И сейчас я от этого злилась. Кто дал право этому негодному братцу орать на меня при соседях? Тут живет трудовой народ – водители рикш, продавцы фруктов, набивщики матрасов, уборщицы, охранники магазинов. Им нужно спать ночью, так как же я теперь в их глазах буду выглядеть?

В общем, я наконец сама стала ругаться. Мне об этом даже вспоминать неприятно.

* * *

– Ну, да, – признаюсь я теперь Азаду. – Ладно, приходил твой брат. Сказал мне: «Лавли, я знаю, что ты любишь его по-настоящему. И брат мой даже отказывается от еды, если тебя нет рядом. Но прошу тебя, умоляю, поговори с ним о браке и о детях. Ради наших с ним престарелых родителей».

Азад глядит на меня:

– Мой брат? Он так сказал?

Азад ушам своим не верит.

– Да, твой собственный брат, – отвечаю я. – И теперь я думаю об этом.

В окно вползает паук на тонких коричневых ножках и сразу всеми этими ножками начинает исследовать стену. Мы смотрим на него. Азад встает и примеривается прихлопнуть паука ботинком, и я говорю:

– Не надо, оставь его.

Зачем обязательно рушить чужую жизнь?

– Ну нет! – говорит Азад. – Не буду я подчиняться таким дурацким правилам. И женюсь я – *на тебе!*

· Дживан ·

На следующее утро возле здания суда полицейские прокладывают мне путь через толпу людей, так радостно возбужденных, будто они приветствуют успех команды на крикетном стадионе. Мне солнце светит в глаза, я смотрю вниз.

– Дживан, Дживан, посмотри сюда! – орут репортеры с камерами на плечах или над головой. Некоторые лезут вперед, чтобы ткнуть мне микрофон в лицо, но полицейские их отталкивают. Репортеры кричат:

– Как террористы на тебя вышли?

– Когда ты запланировала теракт?

Я обретаю голос и кричу, но мой крик резко обрывается, как петушинный:

– Я ни в чем не виновата! Я ничего не знаю про...

Я иду, выпрямившись, хотя все цвета у меня в глазах очень уж яркие: зелень деревьев светится, как рудная жила, а земля под ногами состоит из разноцветных частиц. Ноги подкашиваются, но женщина-полицейский успевает меня подхватить. В толпе орут, а самое доброе, что сейчас есть, – хватка полицейской на моей руке.

Внутри, за дверью, тихо, шум остается снаружи, и можно рухнуть на стул.

Появляется адвокат – мне его назначили. Он молод, чуть старше меня, но у него пузцо преуспевающего человека.

– Вас кормили сегодня? – спрашивает он первым делом.

Я смотрю на своих конвоирок, но ничего не могу вспомнить. И киваю.

– Меня зовут Гобинд, – говорит он. – Ваш назначенный судом адвокат. Вы знаете, что такое адвокат? Это человек, который...

– Сэр! – перебиваю я его. – Я знаю это слово. Я училась в школе. Я продавщица в «Панталунз», знаете этот магазин? Вы можете сказать, за что меня арестовали? Ну, да, я глупость запостила в соцсети, но я ничего не знаю про поезд.

Адвокат глядит не на меня, а на папку, которую держит в руках. Лизнув палец, переворачивает страницу.

– Это правда? – спрашивает он. – В соцсети нашли запись вашего чата с вербовщиком террористов.

– Вот все мне это говорят, но я просто болтала в сети с этим парнем! Мы были виртуальными друзьями, – объясняю молящим тоном, чтобы поверили. – Я ж не знала, кто он такой.

У меня над головой шумит вентилятор, за спиной слышны голоса входящих в зал посетителей. А передо мной – тетушка за пишущей машинкой. Из пучка на затылке выбиваются волосы, стелются по шее.

– У меня много френдов в соцсети, и этот тоже, он из другой страны. То есть это он мне так сказал, – объясняю я Гобинду. – Он меня расспрашивал, как я живу, что чувствую. Я ему смайлики посылала, чтобы поздороваться. А теперь мне говорят, что он – известный вербовщик террористов. Кому известный? Я ничего об этом не знала.

Гобинд смотрит на меня. Я из тех, кому никогда не верят.

– А пропитанные керосином тряпки, которые у вас нашли? – спрашивает он, помолчав. – Очень похожи на те керосиновые факелы, что бросали в поезд. Что вы на это скажете?

– Это... – я тяжело задумываюсь... – наверное, тряпки, которые мать для чистки использует. Чтоб керосином жирное оттирать... Я не знаю! Впервые их увидела.

Они говорят, что я помогала террористам поджечь поезд. У них есть не только записи чата с человеком, который, как я теперь знаю, вербовщик, у них еще и свидетели, которые видели, как я иду к станции с каким-то пакетом. Там был керосин, наверное, говорят они. И тряпки или дерево для факелов. А другие свидетели видели, как я бегу от поезда, уже без

пакета. Хотя рядом со мной никого не видели, но свидетели утверждают, что я провела этих людей – террористов, врагов нации, – по безымянным переулкам наших трущоб к станции, где ждал обреченный поезд.

Когда я настаиваю, что ни в чем не виновата, они тычут мне в лицо той моей подрывной записью в соцсети, где я свое собственное правительство называю террористом – и тем самым, говорят они, показываю полное отсутствие лояльности государству. Это что, преступление – написать пару слов в соцсети?

Гобинд показывает мне документ, который я подписала в полицейском участке. Он говорит, что я во всем созналась.

– Да кто этому поверит? – выпаливаю я. – Меня заставили подписать. Они меня били.

Я поворачиваюсь к залу заседаний, мне хочется, что там были мать и отец, чтобы меня утешили, погладили по голове, и в то же время я не хочу, чтобы они меня здесь видели. Они этого не вынесут.

Тут входит судья и зачитывает список обвинений.

– Преступления против государства, – говорит он. – Подрывная деятельность.

Я слышу эти слова, поднимаю руку, показываю жестом – нет, нет, нет!

– Я несла книги, мои школьные учебники. – Это – правда, но почему она звучит так жалко? – Они и были у меня в пакете. Я их несла одному человеку в трущобах. Я учу ее английскому, уже несколько месяцев, спросите у нее. Ее зовут Лавли.

Презрительный голос из дальних рядов:

– Ты это газетчикам расскажи, сожрут. Террорист-благотворитель – история на первую полосу!

Судья угрожает удалить говорящего из зала.

– Меня заставили подписать признание, – говорю я чуть позже судье. Поднимаю спереди рубашку – показать синяки на животе, и слышу, как за мной шевельнулась публика.

На этот раз судья слушает, приподняв брови.

Через несколько дней я увижу в газете рисунок художника, изобразившего меня в суде тем утром. Там на рисунке женщина, ее волосы заплетены в косу, руки скованы, но подняты перед собой как в мольбе – или молитве. Но это ошибка, думаю я. Я же не была в наручниках. Или была? Все остальные контуры тела набросаны наспех – и расплываются.

· Мать и отец Дживан ·

Не прошло и часа после ареста Дживан, как репортер, отыскавший этот дом в трущобах, постучал в дверь. Дверь – кусок жести, не запертая – распахнулась. Мать Дживан сидела на кровати рядом с отцом Дживан и обмахивала его сложенной газетой.

При виде репортера она встала и направилась к двери.

– Вы кто такой? – спросила она сурово. – Из полиции?

Репортер, держа диктофон на почтительном расстоянии, ответил:

– «Дейли бикон». Меня зовут Пурненду Саркар. – Он распахнул бумажник – показать удостоверение, – и тут же спрятал его в задний карман. – Вы знаете, что вашу дочь арестовали?

– Они пришлют полисмена нас проинформировать с информацией – так нам сказали. Куда они отвезли Дживан?

Мамаша сбита с толку, понял репортер. И ничего не знает.

Он вздохнул, выключил диктофон и рассказал этой женщине то, что знал сам.

– Мать, – сказал он, закончив речь. – Ты поняла, что я сказал?

– Отчего бы не понять? – ответила она. – Я же ее мать!

И она обернулась к мужу, отцу Дживан. Он сидел на кровати, напряженно выпрямившись. Он уже понял, давно понял, что случился какой-то ужас.

– Они что-то говорят про Дживан! – зарыдала мать. – Иди послушай, что они там говорят?

Но ее муж лишь поднял голову, учуяв испуганное беспокойство в ночи. Шевельнул сухими губами, собираясь говорить – и не стал. Подбородок у него дрожал, рука, поднятая вверх от локтя, звала кого-то на помощь.

От группы игроков в карром³ отделилась какая-то фигура. Это был сосед, Калу, с выступающей опухолью на шее. К тому времени приехали другие репортеры, возле дома собралась толпа зевак, и эта толпа со страхом и отвращением расступилась перед Калу. Он закрыл за собой дверь, и репортеры завопили, протестуя.

– Мать, – сказал он, – ты поела? Поедем тогда. Эти люди говорят, что знают, где Дживан.

И он отвез ее на заднем сиденье своего мотоцикла (ноги у нее болтались, как у школьницы) к полицейскому участку, про который сказали репортеры. Когда мать Дживан слезла с мотоцикла, в руках у нее был только сильно помятый конверт, а в нем – свидетельство о рождении дочери, свидетельство об окончании школы, рецепт на капли-вакцину против полиомиелита, потому что только документы у нее и остались, – небо становилось из черного синим.

Мать Дживан дошла до входа в участок, в котором, как ей сказали, держат ее дочь. И здесь тоже собралась толпа репортеров, со светом и камерами. Одна журналистка красила губы, другой журналист давил сигарету подошвой. У входа стояли два охранника с автоматами на спине. Время от времени они орали на журналистов, чтобы сдвинулись назад. А остальное время стояли, привалившись к дверному проему, и трепались.

Оба охранника уставились на сгорбленную женщину, идущую прямо к ним, обутую в шлепанцы для ванной.

– Стоп-стоп-стоп, – сказал один. – Куда это вы собрались? Не видите, это полицейский участок?

Мать Дживан им ответила, что хочет видеть своего ребенка.

– Как зовут вашего сына? – раздраженно спросил один охранник, а его товарищ лениво отодвинулся.

– Дочь. Ее зовут Дживан.

³ Карром – индийская настольная игра, напоминающая бильярд.

У охранника отвисла челюсть. Вот так-так – мать террористки!

– Не сейчас, – ответил он наконец. – В изоляторе посещения не разрешены.

Был дан приказ, запрещающий все контакты с террористкой, поэтому охранник не пропустил мать к дочери.

· Дживан ·

Как-то рано поутру возле моей камеры появляется человек с листом бумаги в руках.

– Подсудимые! – рявкает он.

Выстраивается цепочка из грязных людей. Все мужчины, в стоптанных шлепанцах, куртки липнут к пропотевшей груди. Кто-то один выкрикивает:

– Очередь за омлетами, что ли?

Некоторые смеются, но невесело. Другие ничего не говорят, рассматривая меня в моей камере как экспонат. Мне надлежит сидеть в тюрьме до суда еще год.

Человек со списком отпирает решетку и засовывает голову:

– Эй, мадам! Тебе особое приглашение?

Так что я с трудом встаю с пола и вместе с десятком других заключенных влезаю в полицейский фургон. Один тянется скованными руками к моей груди, я их отбрасываю ударом ладони.

– Руки не распускай! – кричу я.

Водитель кричит на меня, чтоб тихо себя вела.

Вот так меня и транспортируют из временного изолятора в эту тюрьму, где я теперь живу.

· Физрук ·

Игровая площадка – бетонный прямоугольник, огороженный сперва тонкой шеренгой вянущих под солнцем деревьев, потом – пятиэтажным зданием школы. Учитель физкультуры в рубашке с воротником и в отглаженных брюках, с сапожной щеткой густых усов и сверкающей лысиной, стоит на солнцепеке и командует классом, задавая ритм маршировки. Рука вскинута в приветствии, ноги крепко упираются в землю.

Девочки, его ученицы, все тринадцатилетние, юбки у них до колена, бретельки лифчиков сползают с плеч, носки устало скатываются с голеней. Многие почистили белые спортивные туфли мелом для доски. Все они сутулятся, руки болтаются, а должны быть твердыми, как сабли.

– Вы видали по телевизору, – выговаривает Физрук, проходя вдоль рядов, – как идет строй солдат? Вот именно так вы должны выглядеть!

Приближается День Республики – национальный праздник, день конституции страны, и так дело не пойдет. Парад учениц, самое патриотическое выступление по этому патриотическому поводу – и за него отвечает Физрук. Единственный момент за весь учебный год, когда он, странный какой-то учитель, преподающий не математику, или географию, или какую-нибудь химию, даже не домоводство, показывает свою работу лицом. Ну, да, думает он про себя со злостью, это не то, что все разы, когда он выходит на собрании починить забарахливший микрофон, – единственный мужчина в школе для девочек, потому его и дергают для такой работы.

– Тишина! – брзжит он, чтобы прекратить болтовню девочек. – Серьезнее надо быть!

Класс умолкает. Девчонки плятятся в землю, подавляя рвущийся наружу смех.

В сторонке в тени дерева сидят две девочки и хихикают. Перед началом занятия они подошли к Физруку и каждая шепнула на ухо:

– Сэр, у меня эти дни. Можно мне сегодня не заниматься?

Физрук вспоминает, хотя и не уверен, что вроде бы у них эти дни были неделю назад. Хмурится, достает из нагрудного кармана платок и вытирает пот с головы, лба, носа. А что ему остается?

* * *

Через несколько дней вечером по телевизору мелькают буквы: **ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ! ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ!**

Ведущий с авторучкой в руке идет по коридорам редакции новостей и рассказывает на камеру, что в связи с нападением на поезд арестована молодая женщина. Ее имя Дживан, фамилия в настоящий момент неизвестна.

Физрук шлепает тарелку с послеобеденными сладостями на стол и хватает пульт. На звук появляется жена из кухни:

– Что случилось?

Физрук подносит палец к губам и прибавляет громкости, пока звук не заполняет всю комнату. Физрук наклоняется вперед и почти прилипает к экрану. А там повторяют и повторяют все тот же сюжет: в окружении полисменов и репортеров – это лицо, эта плохо заплетенная коса, шрам на подбородке – приметы человека, которого он, Физрук, знает – или знал. Девушка держится рукой за поясицу, как пожилая дама, у которой спина болит. У Физрука усы чуть не падают с лица.

– Ты посмотри на это, – шепчет он жене. – Только посмотри.

– Ты ее знаешь? – спрашивает жена. – Откуда?

– Эта молодая женщина двадцати двух лет, – выкрикивает репортер посреди улицы, и любопытные прохожие лезут в кадр, – была арестована в трущобном районе, где я сейчас нахожусь. Да, район Колабаган, верно, трущобы Колабаган рядом со станцией Колабаган, где шесть дней назад произошло нападение на поезд и погибли сто двенадцать человек. В этом нападении, как теперь нам известно...

Физрук нажимает кнопку, канал меняется. Снова появляется Дживан, камера берет лицо крупным планом.

– Эта мусульманка обвиняется в *помощи* террористам, спланировавшим это чудовищное нападение...

– Она обвиняется в очень серьезных преступлениях против государства *и* в подрывной деятельности, что весьма необычно...

– Она, предположительно, вступила в контакт в соцсети с известным вербовщиком террористической организации...

Физрук нажимает кнопку, и снова меняется канал.

– Откуда в ее сердце столько ненависти к ее родной стране? К нам присоединяется профессор социологии Пракаш Мехра для разговора об отчужденной молодости и о том, как интернет...

Физрук смотрит во все глаза. Смотрит все до последнего кадра и слушает все комментарии. На улице завывают автомобильные сигналы.

* * *

Не так уж давно Дживан у него училась. Сначала она была одной из бесплатных учениц, как их бестактно называли, и понятия не имела о том, что такое баскетбол. Но правила игры просты и понятны, играла она энергично, ноги не скованны, руки свободны, успевала даже смеяться. Остальных она пугала. Агрессивная игра «кабадди»⁴ шла у нее естественно, и, наверное, только она из всех учениц была разочарована, когда он предложил им более мягкую игру с мячом – «вышибалы».

По той ярости, с которой она играла, по тому, как реагировала на похвалы, улыбаясь сомкнутыми губами, Физрук понял, что ей эти занятия нужны куда больше, чем другим девочкам. И он прощал ей грязную юбку и старые туфли. Однажды, когда она упала в обморок на жаркой площадке, он воспользовался этой возможностью и предложил ей банан. После этого он время от времени скармливал ей сэндвич или яблоко из своего ланча. Как-то раз это был пакет чипсов. Он подозревал, что она недоедает. И не мог допустить, чтобы его лучшая ученица свалилась с болезнью. Он уже наметил ее на церемониальный школьный парад, планировал тренировать для баскетбола или даже футбола на городском уровне. Она может вырасти спортсменкой, как он сам. Ни разу до Дживан ему еще не попадались ученики столь в этом смысле перспективные.

Но после экзаменов, в десятом классе, она ушла из школы. Он так и не узнал, почему. Понимал, что тут мог быть вопрос с платой за учение. Но она ему ничего не объяснила и ни разу не дала понять, что видит, как он ее поддерживает. Мелочь, но он был задет.

Мелочь ли?

Когда он об этом думает, вспыхивает старая злость. Он-то начал думать о ней как об ученице, но она не считала его наставником. Считала, возможно, не более чем периодическим источником бесплатной еды. Обдурила она его.

Телевизор продолжает работать, безразличный к усталости своего зрителя.

⁴ Ка-бадди – древнейшая и популярная командная игра в Азии, включающая в себя элементы борьбы и пятнашек.

– Что же такое произошло, что обычная молодая женщина по имени Дживан стала террористкой? Что заставило ее ступить на путь антинародной деятельности, привело в террористическую группу, в антиправительственный заговор? После перерыва...

Он не может поверить, что она все это сделала.

Нервы гудят. В его жизни ничего не изменилось, и все же близость катастрофы подстегивает, как электричество.

Теперь он понимает: было в Дживан что-то не то все это время. Какое-то отклонение. Иначе бы она никогда не ушла, не сказав ему, учителю, который о ней заботился, ни до свидания, ни спасибо.

· Дживан ·

Утром, когда нас разбудила мадам Ума – главная надзирательница женской тюрьмы, – я вижу во дворе Яшви. Ту самую Яшви, которая ограбила десять или двенадцать домов. В одном из них она так крепко связала старика, что он задохнулся. Но она славная девушка и всегда улыбается. И одета в веселенький желтый шальвар-камиз⁵.

Яшви качает для меня насос колонки, подпрыгивая и пото́м налегая всем весом на рычаг, – и вода камнем падает в мои подставленные ладони. Этой холодной водой, добытой из-под земли, с минеральным вкусом, я умываюсь.

Теперь, когда глаза чистые, а взгляд свежий, мы вливаемся в толпу на другой стороне двора, встаем в очередь за пайкой хлеба. Сверху кладется черпак картошки размером с кулак и еще дают чай, зачерпнутый из ведра. Я ем, отойдя чуть в сторонку, глядя, не получил ли кто больше, чем я. Такое бывало. И я готова драться, если будет опять.

Но все женщины в полусонной одуре, небо только-только становится утренним, под ногами – сырая зеленая плесень. Мирно, насколько может быть мирно в клетке.

После завтрака мы собираемся в комнате с телевизором. Рядом со мной сидит Нирманди, обернув голову дупаттой, зажав уголок в зубах. Она посасывает ткань, как младенец грудь. В наружном мире она работала поварихой, пока за двадцать тысяч рупий не положила в семейный обед крысиный яд. Прямо за мной – одноглазая Калкиди. У нее половина лица сгорела. Она тяжело смеется, когда я оборачиваюсь, и зияют дыры между зубами. Муж плеснул в Калкиди кислотой, но в тюрьме почему-то оказалась она. Такое бывает, если ты женщина.

Тут ходят разные слухи. Про одну говорят, что задушила ребенка в кровати, про другую – что перерезала глотку мужу, который ее бил. Кое-что я знаю, кое-чего не хочу знать.

По телевизору – наша любимая передача «Почему свекровь меня не любит?».

В первый мой день, когда шел очередной выпуск этой бесконечной передачи, я задала вопрос: «Сестры, слушайте, вы себе оставили назначенного судом адвоката или нашли получше? А как платить за своего собственного?»

Ни одно лицо не повернулось, будто я и не говорила ничего. Все впились взглядом в экран.

Это здесь так принято?

– Я невиновна, клянусь...

Несколько женщин обернулись ко мне. Их лица – с торчащими зубами, со щелями в мочках ушей от многолетнего ношения тяжелых серег, такие человеческие лица, но все чужие – вызвали у меня ощущение, что я никого во всем мире не знаю.

Я заплакала. Я была как младенец.

Все перестали смотреть телевизор и обернулись ко мне. Женщина с пятнистой – темные и светлые пятна – кожей, вроде как лидер в этой тюрьме, это я уже знала, встала с пола (она сидела прямо, уткнувшись лицом в экран) и подошла ко мне вразвалочку. Я слыхала, что это она устроила замену черно-белого телевизора на цветной. Американди – «американская сестра» – ее так называли за розовую кожу – взяла меня рукой за подбородок. Ласково, как мать ребенка. Мне сразу стало легче, появилась уверенность, высохли слезы. А она мне вlepила пощечину. Рука, твердая, как шкура, стукнула по уху так, что оно зазвенело.

– Слепая, что ли? – спросила женщина. – Не видишь, мы телевизор смотрим?

Сейчас и я, как другие, смотрю его, отвесив челюсть. Я вижу не передачу – я вижу мир. Светофор, зонтик, капли дождя на подоконнике. Просто свобода перейти через улицу.

⁵ Шальвар-камиз – традиционная одежда в Южной Азии, как мужская, так и женская. Состоит из свободных брюк и легкого платья.

* * *

До того как я здесь оказалась, я была работающей женщиной. У меня была работа в большом магазине, где мы продавали одежду – индийскую и западную, – а еще чемоданы, духи, часы и даже книги, которые покупатели небрежно листали и опять возвращали на полки. День за днем я выстаивала свои долгие смены, следя, чтобы все вещи были аккуратно сложены. Я таскала разные размеры дамам, орущим из примерочной. Когда они не видели, я их разглядывала – блестящие волосы, ноги с педикюром. Сумочки с пластиковыми карточками, неиссякаемыми источниками денег. Я тоже так хотела.

Утверждают, что вербовщик предложил мне деньги, много денег за то, чтобы я провела людей с керосином к поезду по неразмеченным дорогам наших трущоб.

Я живу... жила в Колабаганских трущобах, возле станции Колабаган, с отцом и матерью. Наш дом – одна комната с двумя стенами из кирпича и еще двумя из жести и парусины – стоял за помойкой, такой огромной и заселенной таким количеством каркающих с рассвета до ночи ворон, что она была знаменитой. Я говорила: «Живу в доме за помойкой», и все меня понимали. Можно сказать, я жила в доме-ориентире.

Хиджра по имени Лавли, которая ходила благословлять детей и новобрачных, тоже жила в Колабаганских трущобах, и я иногда учила ее по вечерам английскому. Началось это в рамках обязательной школьной программы, когда каждый ученик должен был обучить азбуке одного неграмотного. Но мы продолжили и после того, как я отучилась в школе: Лавли верила, что когда-нибудь ее жизнь станет лучше. Я о своей думала так же. И дорога начиналась с алфавита. *a b c d. Cat, bat, rat* ⁶. Язык современного мира – английский. Разве можно без него в жизни продвинуться? И мы продолжали учебу. Что из того, если я жила в доме, кирпичном лишь наполовину? Я уже ела не капусту, а курятину. У меня был смартфон с большим экраном, купленный на заработанные деньги. Простейший смартфон, купленный в рассрочку, с прыгающим экраном, и кредит я выплачивала, когда могла. Зато я была на связи с миром куда более широким, чем мой район.

* * *

По дороге в кухню, где я работаю, заглядываю в дверь маринадной – там шесть женщин маринуют лайм и лук на продажу. Много лет здесь был обычный склад всякого поломанного барахла, пока Американки, наш местный предприниматель, не оборудовала тут это заведение, на котором тюрьма зарабатывает кое-какие денежки. Сейчас помещение отремонтировано, проведен свет, на столах вплотную стоят банки, пахнет горчицей. Увидев меня, Монализа снимает перчатку и дает мне треугольник лаймовой кожуры, темный и кислый. Несколько дней назад я помогла ее дочери учить бенгальский алфавит: *по, фо, бо, бхо, мо*.

От аромата маринованного лайма рот наполняется слюной. Соленое и кислое играет на языке, а потом исчезает.

⁶ Кошка, летучая мышь, крыса (англ.).

· Физрук ·

В конце учебного дня, когда брюки заляпаны грязью, Физрук выходит из здания с портфелем под мышкой. Узкая дорога запружена уходящими школьницами. То одна, то другая говорят ему: «Добрый день, сэр!»

Физрук кивает в ответ. Эти девушки, которых он несколько часов назад учил физическим упражнениям, подобрали юбки и уложили волосы в пучок. Пальцы у них липкие от маринованных фруктов, девочки беседуют о мальчиках. И Физрук их теперь не понимает – если вообще хоть когда-то понимал.

Дорожка выводит на магистраль, и мимо Физрука с ревом проносится колонна грузовиков, три, четыре, пять. В открытых кузовах сидят молодые люди с худощавыми усатыми лицами и размахивают шафрановыми флагами пламенного национализма. Один закладывает пальцы в рот и пронзительно свистит.

* * *

Физрук стоит на железнодорожной платформе, на своем ежедневном месте, примерно рассчитав, где окажется дверь вагона второго класса. Он вытягивает шею, чтобы углядеть поезд, и тут из динамиков звучит объявление. Поезд опаздывает на тридцать минут.

– Тридцать минут – это значит час как минимум! – сетует другой пассажир, вздыхает, поворачивается и идет прочь. Физрук вынимает телефон – большой, прямоугольный, сделанный в Китае, – и звонит жене.

– Слушай, – говорит он, – поезд опаздывает.

– Чего? – кричит она.

– Опаздывает! – орет он в ответ. – Поезд! Ты там оглохла?

Нападение террористов случилось считанные недели назад, и слово «поезд» ее пугает.

– Что там случилось? – спрашивает она. – Все в порядке?

– Да, да, все нормально! Объявили «по техническим причинам».

Физрук держит телефон возле уха и смотрит перед собой. Прибегают, запыхавшись, пассажиры, узнают про опоздание и растекаются прочь. Тем, кто расстилает на полу газету и устраивается отдыхать, разносчица продает нарезанные и посоленные огурцы. Из телефона возле уха слышится голос жены:

– Ну и хорошо тогда. Привезешь полкило помидоров? Там рыночек прямо рядом со станцией.

Жена всегда лучше знает, как человеку время провести. Нельзя было нормально выпить чашку чая и посидеть на платформе?

Физрук идет искать помидоры. За станцией на дороге, где обычно гудят и ругаются таксисты и водители автобусов, едва не задев друг друга зеркалами, движение встало. Мотоциклисты пробираются вперед, отталкиваясь от земли ногами. От человека, растирающего в руке табак, Физрук узнает, что рядом на поле идет митинг партии Джана Кальян («Благополучие для всех!») – самой крупной оппозиционной партии штата. И на митинге выступает Кэти Бэнерджи.

Кэти Бэнерджи! Физрук раздумывает, что лучше: потратить двадцать минут на покупку помидоров или глянуть на знаменитую Кэти? Помидоры где хочешь можно купить. Даже в десяти минутах ходьбы от дома на местном рынке – и чего жена туда не ходит?

И он идет по улице, выводящей к полю с притоптанной травой. Толпа – человек с тысячу, не меньше, машет знакомыми шафрановыми флагами. Свистят и хлопают. Какие-то люди сгруппировались около предприимчивого уличного торговца, уже продающего хрустящие лепешки с начинкой из картофеля с приправами. Стоит густой запах кориандра и лука. У всех, и даже у торговца, на лбу мазок красной пасты – символ почтения к богу, к стране. Отмеченные божественной меткой люди одеты в штаны до самой земли – даже слегка ходить мешают, – и время от времени эти люди подпрыгивают – посмотреть, что происходит. Сцена-помост очень далеко.

– Брат! – говорит Физрук какому-то молодому человеку, сам удивляясь своему дружелюбному тону, – брат, это правда там Кэти Бэнерджи?

Молодой человек кидает на него быстрый взгляд, из магазинного пакета, полного партийных флажков, достает один и зовет кого-то:

– Сюда, дуй сюда! – кричит он.

И тот, кому кричали, быстро подбегает, держа в руках тарелку с красной пастой. Макает в нее большой палец и проводит им по лбу Физрука. Физруку остается лишь принять эту помету – красную полосу от брови до линии волос – как дитя принимает благословение от старшего.

С меткой на лбу и с флажком в руке Физрук идет вперед, чтобы лучше слышать. Да, на сцене действительно Кэти Бэнерджи, одетая в накрахмаленное хлопковое сари. Ее лба тоже коснулась священная красная паста, замечает Физрук. Ее речь звучит проникновенно, она поднимает руки, делая намасте ⁷.

– Все вы приехали из дальних округов штата, – говорит она. – И я благодарю вас за это. Возвращайтесь домой осторожно, да минует вас опасность.

Микрофон трещит, публика ревет.

Звезда уходит со сцены, и ее место у микрофона занимает второе лицо в партии. Бимала Пал, ростом не больше пяти футов двух дюймов ⁸, выходит в простом сари, стальной браслет часов бликует на солнце белым. Публика затихает, чтобы услышать ее речь. Физрук держит над головой флаг, прикрываясь от солнца, но потом заменяет его своей кожаной сумкой – она прикрывает лучше.

Бимала Пал кричит в микрофон, и слова ее резонируют в динамиках:

– Мы добьемся справедливости... ивости! За тех, кто погиб в этом подлом нападении... адени...на мирный поезд... оезд... Я обещаю... щаю...

После минуты молчания в память погибших она продолжает свою речь, делая паузы, чтобы переждать эхо.

– В то время как теперешнее правительство неспособно накормить народ, партия Джана Кальян – трудовая оппозиция вашему ленивому правлению – снабдила четырнадцать округов рисом по цене три рупии за кило! Мы приглашаем в наш штат заводы по производству пластика и автомобилей, которые обеспечат не менее пятнадцати тысяч рабочих мест...

На глазах у Физрука человек в белой майке залезает – или это толпа его выдавила – на капот стоящего далеко впереди джипа. Физрук до сих пор этого джипа не замечал, но вот он – стоит посреди поля, на приличном все же расстоянии от сцены. Человек выпрямляется во весь рост, оглядывая воздетые вверх руки и открытые рты с гнилыми зубами. Потом залезает на крышу машины – автомобиль раскачивается от толчков толпы, от ее ярости и смеха, захлебывающегося полированный кузов.

– Пятнадцать тысяч рабочих мест! – распевает толпа. – Пятнадцать тысяч рабочих мест!

Завелись они по-настоящему или же следуют указаниям координаторов – трудно сказать. Но несколько телекамер наверняка это все снимут.

⁷ Намасте – индийское и непальское приветствие, соединение двух ладоней перед собой.

⁸ Приблизительно 1 м 57 см.

– Мы знаем, что вы каждый день приносите себя в жертву! – кричит в микрофон Бимала Пал. – А ради чего? Разве не заслужили вы больше возможностей, чем сейчас? Наша партия вместе с вами борется за эти рабочие места, за каждую рупию принадлежащего вам дохода, за каждый школьный день для ваших детей!

Бимала Пал выбрасывает вверх кулак.

Физрук смотрит на все это, и его вопреки собственной воле пронизывает то же электричество. Здесь перед ним во плоти – люди из глубинки, которых он только в телевизоре раньше видал. Кое-что он о них знает: у них в деревне не только работы нет, но даже мощной дороги не найти! Не только завод закрылся, но еще и нанятый компанией охранник не дает продать металлолом!

– Помните, что эта страна принадлежит вам! Не горстке богачей из небоскребов, не владельцам компаний в шикарных машинах, – вам! – заканчивает речь Бимала Пал. – Ванде Матарам! ⁹Да здравствует Родина!

Человек на крыше автомобиля повторяет, надсаживая голос:

– Ванде Матарам!

Физрук мог бы подумать, что этого человека и сотни других людей привезли сюда из деревни, что пустое брюхо манила миска бесплатного риса с курятиной – их сегодняшний энтузиазм куплен этой ценой. Мог бы подумать, что для безработных митинг играет роль разовой работы на сегодня. Их кормит партия, когда не кормит рынок.

Но от крика этого человека у Физрука волосы на руках шевелятся и разве это фальшь?

Человек на крыше машины задирает рубаху, и видно, что за поясом штанов у него торчит кинжал, завернутый в кусок материи. Схватив за рукоять, человек вскидывает кинжал в воздух, лезвие блестит на солнце. Под ним, возле машины, кто-то начинает танцевать, другой подхватывает, еще один, еще один... неуклюжий танец от всей души.

Кинжал пылает над ними, сам по себе солнце, и Физрук глядит на него, застыв в тревоге и возбуждении. Как воодушевлен этот человек, забравшийся на джип как персонаж фильма, с кинжалом, в танце. Как непохож он на всех школьных учителей, знакомых Физрука, как свободен!

* * *

Но люди начинают уставать, и кто-то из координаторов объявляет:

– Братья и сестры, вас ждут автобусы, чтобы отвезти домой! Пожалуйста, не торопитесь! Пожалуйста, не устраивайте давку! Всех отвезут домой бесплатно!

Физрук возвращается на станцию. Опоздавший поезд он пропустил, и когда приходит следующий, Физрук находит место возле прохода – втискивает свою задницу, уже пятую, на сиденье, рассчитанное на троих. Ноют подошвы, напоминая хозяину, что они сегодня таскали его вес почти весь день. Кто-то протискивается мимо, волочит мешок по ногам Физрука и скрывается прежде, чем он успевает отреагировать. Рядом стоит женщина, ее живот почти упирается в ухо Физрука, сумка того и гляди хлопнет его по лицу. И еще в этой толпе пробирается *мури валла* – продавец воздушного риса.

– Мури, мури! – кричит он.

Вагон стонет.

⁹ Ванде Матарам («Поклоняюсь тебе, Мать!») – второй, наряду с официальным, гимн Индии, слова для которого были написаны бенгальским писателем Банкимчандрой Чоттопадхяем в 1881 году и положены на музыку сначала Джадунатхом Бхаттачарьей, а потом Рабиндранатом Тагором.

– Вот именно сегодня надо было! – громко раздается над головой голос той толстой тетки. – Сперва опоздание, теперь даже встать негде, а тебе вот прямо сейчас надо мури продавать?

– Харасмент, вот это что, – говорит голос за спиной Физрука. – Поездки с работы да на работу – ежедневный харасмент!

– Да ладно вам, – возражает кто-то. – Мури валла, сюда две порции.

– И сюда одну! – кричит кто-то издали.

Мури валла смешивает в жестянке горчичное масло, нарезанные помидоры и огурцы, пряные чечевичные палочки и воздушный рис. Трясет, перевернув, банку со специями. И выкладывает мури в миску, сделанную из газетной бумаги.

У Физрука урчит в животе. Он приподнимается, чтобы достать бумажник.

– И сюда еще! – кричит он. – Сколько с меня?

Мури валла делает ему большую миску, с верхом.

– Не беспокойтесь, – говорит он, протягивая еду. – Для вас бесплатно.

– Бесплатно? – переспрашивает Физрук.

Он смеется с миской в руках, будто сомневается, что она в самом деле для него и что он сейчас будет есть. Потом вспоминает: красная метка на лбу, партийный флажок на коленях. Ловит на себе взгляды других пассажиров. Наверняка они думают: а что это за важная персона?

* * *

Дома, после ужина, Физрук снова в своем кресле, жирные от подливки руки дочищают тарелку, и он говорит жене:

– Странные вещи сегодня были. Ты слушаешь?

Жена у него худая, низкорослая, волосы заплетены так, что можно не прихватывать резинкой. Она смотрит на него со своего стула, и по лицу ее видно – она простила ему забытые помидоры.

В школе что-то случилось, думает она. Мужчина преподает физкультуру группе девочек, у них у всех растут груди, животы болят во время менструаций, на юбках то и дело пятна. Обязательно какая-нибудь гадость да произойдет.

– Что случилось? – спрашивает испуганно.

– На поле за станцией был митинг партии Джана Кальян, – начинает он, – и один человек забрался на крышу машины – понимаешь? *Залез на крышу машины* – и вытащил... ну-ка, угадай что?

– Откуда мне знать? – говорит она. Прикусывает молочную вафлю, крошки падают на тарелку. – Пистолет, что ли?

– Кинжал! – отвечает он, несколько разочарованный. Истина всегда выглядит скромно. Он продолжает: – Но еще там была Кэти Бэнерджи...

– Кэти Бэнерджи!

– И Бимала Пал. Говори про нее что хочешь, но оратор она отличный. И, знаешь, кое-что она правильно говорила. Хорошее было выступление.

Лицо жены становится кислым. Она отодвигается вместе со стулом, его ножки скребут по полу.

– Ага, выступление, – говорит она. – Заигрывает со всеми этими безработными, потому-то наша страна никуда и не движется.

– Они много народу кормят уцененным рисом, – отвечает муж. – И они хотят за два года провести электричество в двести деревень. Двести!

– А ты, – говорит жена, – всему веришь.

Физрук ей отвечает улыбкой. Жена скрывается в кухне, а он встает и отмывает с рук куркумовый соус и вытирает их полотенцем, когда-то белым.

Чувства своей жены он понимает. Если только смотреть новости по телевизору, их легко воспринимать скептически. Но что такого уж плохого, если простые люди беспокоятся о своей работе, своей зарплате, своей земле? И что плохого, если он сам будет делать что-то еще, кроме своей учительской работы? Сегодня он участвовал в событии патриотическом, значимом, в работе поважнее, чем сторожить школьников, так оно и было, он знает – и лежит без сна, и в голове его гудят возбужденные мысли.

· Дживан ·

В газетах, которые приходят в тюрьму с опозданием на несколько дней, печатают разные версии моей жизни. Сообщается, что я росла в Силде, в Салпуре, в Хобигрэме. У моего отца, пишут там, был полиомиелит, рак, ему ампутировали конечность. Он был поваром в отеле, нет, муниципальным служащим, нет, на самом деле он служил в электрической компании и снимал показания счетчиков. О предприятии с завтраками моей матери они не знают, поэтому пишут, что она домохозяйка – если вообще о ней вспоминают.

– Смотри, – говорю я Американди, с которой мы соседки по камере, потому что, как выяснилось, она потребовала, чтобы ее поместили со знаменитой террористкой. – «Дешер Потрика» говорит, что я работала в кол-центре, и чьи-то фотографии напечатали! Девушка на заднем сиденье мотоцикла, с мужчиной. Я вообще никогда на мотоцикле не ездила.

Разговор происходит в полдень, после душа, моя соседка подняла сари до бедер и делает себе массаж, перебирая пальцами вверх и вниз по икрам. Вены у нее искривлены, как переполнившиеся реки.

– Репортеры что хочешь напишут, – говорит она. – Вот в моем деле, когда я сказала...

Но мне не интересно про нее.

– Они что услышат на улице, то и записывают, – говорю я.

– Так у них же сроки, – отвечает она. – Не уложишься в срок – уволят. У кого тут будет время вопросы задавать?

– А еще тут сказано, послушай, – продолжаю я. – Оператор интернет-кафе в том районе говорил, что Дживан часто звонит на пакистанские номера. Зачем они про меня врут?

Американди смотрит на меня.

– Знаешь, многие люди тебе не верят. Я лично слышала всякое. У тебя в доме нашли керосин. Ты была на станции. У тебя во френдах вербовщик. Так сделала ты это или нет? – Она вздыхает. – Но почему-то я не считаю тебя плохим человеком.

У меня в горле застревает всхлип.

– Послушай, – говорит она. – Я не должна тебе говорить, но ты знаешь, что репортеры стучатся в ворота, хотят взять у тебя интервью?

Я вытираю глаза, сморкаюсь.

– Какой газеты? – спрашиваю я.

– «Таймс оф Индия»! «Хиндустан таймс»! «Стейтсмен»! Да любую назови, – говорит она. – Все предлагают деньги, ох какие деньжищи, за одно интервью с тобой. Так я слышала. Но мадам Ума вынуждена им отказывать. На нее сверху давят.

– У меня есть право с ними говорить! – кричу я.

Американди замахивается, будто хочет дать мне пощечину.

– Голос не повышай! – шипит она. – Вот поэтому и нельзя ни с кем по-хорошему в этой крысиной норе.

Она берет верхнее сари из четырех, которые я для нее выстирала и сложила стопкой. Оборачивается им. Расправляет складки.

– Говоришь, у тебя есть право? – переспрашивает она, шевеля ногами, чтобы сари не морщило.

И улыбается так, словно в этой улыбке все, что она хотела сказать.

– Я хочу с ними поговорить, – произношу я тихо. – Гобинд вообще чем занимается? Я его целую вечность не видела. Даже не позвонил мне ни разу.

Если бы только мне удалось поговорить с газетным репортером или на камеру телевидения, меня бы поняли, правда ведь? Я каждый день в этом темном коридоре – с шорохом крыльев насекомых, с каплей протечки, сообщающей о дожде, со штукатуркой на потолке,

разбухающей, как облако. Дни превращаются в недели, а я все на коленях возле канавы, стираю вручную ночнушки Американди. Там, где все мы отстирываем наши месячные тряпки, пахнет горячим утюгом. Дура я была, что ждала от Гобинда помощи, теперь-то понимаю. Он – назначенный судом юрист, но не мой адвокат.

Вот почему, думаю я, все мы тут. Например, Американди. Она толкнула человека, пытавшегося сорвать с нее ожерелье на улице. Тот упал, ударился головой о мостовую и впал в кому. Суд обвинил Американди, и вот она в тюрьме, на десять лет или больше, в заключении, которое никак не кончится. Если бы ей дали возможность рассказать свою историю, как могла бы сложиться ее жизнь?

* * *

На следующее утро Американди берет свое тонкое полотенце, шершавое как пемза, и бутылку душистого жидкого мыла, которое бережет как зеницу ока. И уходит принимать ванну.

– Послушай, – говорю я, пока день только начался и Американди еще никто не успел испортить настроения. – Сделаешь для меня одну вещь? – Я поднимаю газету, которую листала: – Передашь словечко этому репортеру? – Разворачиваю газету «Дейли бикон» и нахожу имя: Пурненду Саркар. – Попросишь Пурненду Саркара прийти сюда? Моя мать говорила, что он к ней приходил и хотел помочь.

Американди ищет взглядом свои шлепанцы для душа.

– Отличный план! – говорит она насмешливо. – А мне-то это зачем?

Она ждет, поворачивается ко мне. У меня секунда ее внимания, не больше.

– Деньги, – отвечаю я. – Те, что они предлагают за интервью. Ты же сейчас сказала, что они предлагают кучу денег? Возьмешь все себе. Что может сделать суд, если пресса не...

– Ох и любишь ты проповедовать, – говорит Американди. – Ты сказала, *все* деньги?

– До последней рупии.

– И когда это ты так разбогатела? – говорит она.

· Физрук ·

От полиции хорошего не жди. Это всякий знает. Если поймаешь вора, лучше отлупи его как следует, напугай до смерти и потом отпусти.

Но это же не просто вор. Это женщина, которая подожгла поезд, полный народу. Она убила – прямо или косвенно – больше сотни людей. Теперь, как говорят телеканалы, она в тюрьме и молчит. Ее не допрашивают, она не сообщила никаких подробностей, и вообще, кроме признания – которое, как она утверждает, ее вынудили подписать, – никакой информации не дает. Протестует, заявляя о своей невиновности.

Полиция, пытаясь хоть чего-то добиться, попросила выступить друзей и знакомых Дживан. Никого не будут преследовать, обещали полицейские. Они просто ищут какой-то ключ к характеру террористки, ищут любую зацепку, которая позволит раскрыть дело. Мужчины, участвовавшие в нем, давно сбежали за границу, и единственная надежда – это Дживан.

Поэтому однажды утром, с одобрения жены, Физрук в чистой одежде, с тщательно расчесанными редкими волосами и плотным завтраком в животе берет трубку и звонит в местный полицейский участок. И когда дежурный суперинтендант – человек, упорно говорящий по-английски, – настойчиво приглашает его прийти в участок прямо сейчас, Физрук так и делает. Он поглощен своими мыслями и лишь на полпути замечает, что по-прежнему обут в домашние тапочки.

· Дживан ·

Когда моя мать в первый раз пришла меня навестить, она со слезами отдала охранникам контейнер с домашней едой. Она делала это и после – снова и снова надеясь, что еда до меня однажды дойдет. Тогда я ее спросила: «Зачем ты кормишь охранников?» И смотрела, как она плачет. А у меня глаза были сухими.

Сегодня она по моей просьбе принесла не домашнюю еду, а небольшой пакет с густой золотистой массой. Это гхи – топленое масло из молока буйволицы.

– Что ты с ним будешь делать? – спрашивает она.

Я отвечаю.

Потом она уходит, и все матери уходят, а мы проводим остаток дня. Во дворе подрались три женщины – оскаленные зубы, растрепанные волосы. Что-то орут про украденную конфету.

Весь остаток дня мы буквально умираем оттого, что знаем, но не можем сказать никому – тем более нашим матерям. Знаем, что тюрьма – место, куда не достучаться. Что из того, что тут есть двор, сад, комната с телевизором? Нам охранники твердят, что мы живем хорошо, куда лучше, чем пропащие души в мужской тюрьме. Но мы все равно чувствуем, будто живем на дне колодца. Лягушки мы. Все, что мы можем, это говорить матерям: «Все нормально, все хорошо».

Мы им говорим: «Я гуляю в саду».

«Я смотрю телевизор».

«Ты не волнуйся, у меня все хорошо».

* * *

В кухне, где я работаю – готовлю роти ¹⁰, – стоит большой гриль. На нем можно печь лепешки сразу по десять штук. Одна женщина месит тесто, другая отрывает от него комки и расплющивает, еще несколько дальше раскатывают их в тонкие кружки, а я слежу за лепешками на гриле. Когда они готовы, я беру их длинными щипцами и шлепаю на каменную поверхность рядом с грилем. Там еще пара женщин смахивает с лепешек муку и складывает в стопки.

Сделав сто двадцать роти, я выливаю гхи на гриль. Роскошный аромат! Все равно как, наверное, спать на пуховой постели или принимать молочную ванну, – так делали знатные дамы нашей страны в давние времена. Одной рукой шлепаю тесто в лужицу расплавленного масла, и оно покрывается по краям хрустящей корочкой. Хлеб поднимается, на нем теперь поджаристые пятна корочки.

Когда я приношу тарелку мадам Уме, она восседает на пластиковом стуле во дворе, нарядная, как королева нищих. Вокруг, сидя стройными рядами, едят заключенные. Принимая тарелку, мадам Ума смотрит на меня и хитро улыбается:

– Это еще к чему? – спрашивает она. – Чего тебе нужно?

Она не сердится.

Я делаю шаг назад, смотрю, как она ест. Слышу хруст корочки – или это мне, может быть, кажется. Мадам Ума складывает лепешку, добавляет овощное пюре и подносит ко рту. Я смотрю шакальими глазами, в животе у меня урчит.

В ряду сидящих арестанток и их детей плачет маленькая девочка. Какой-то мальчик выпрашивает еду, хотя только что поел. Детям дают через день вареное яйцо и молоко. Других

¹⁰ Роти – индийская пресная лепешка из цельнозерновой муки.

уступок их растущим телам, их наливающимся мышцам не делают: дети едят то же застывшее карри, что и мы все. Матери по этому поводу возмущаются, но кто их станет слушать?

Мадам Ума разворачивается в кресле, замечает меня и показывает большой палец. Поднимает тарелку, чтобы я видела. Она съела все до крошки.

Встав перед ней на колени, я принимаю пустую тарелку. Чувствую под коленями сырую плесень.

– Ну, – говорит она, языком очищая изнутри зубы, – так зачем это было?

– У меня есть брат, – говорю я. – Он хочет меня навестить. Можете внести его имя в список моих посетителей? Его зовут Пурненду Саркар.

Я пытаюсь улыбнуться. Губы с этой работой справляются.

– Брат, значит, – говорит мадам Ума. – Ты про него раньше не говорила. Он что, до сих пор в пещере жил?

– Нет, просто он работал все время за городом...

Мадам Ума встает, ставит руки на пояс, выгибает спину, потягивается. Щурится в небо. И поворачивается ко мне с выражением величайшей скуки на лице:

– Чем меньше станешь врать, тем тебе лучше будет. Бог один знает, сколько раз на дню ты врешь.

Затем она уходит, а я остаюсь с тарелкой в руке. На ней малюсенькая крошечка, едва заметная пушинка. Муху не накормить.

Я подцепляю крошечку пальцами и сую в рот.

· Лавли ·

Даже будущей кинозвезде приходится зарабатывать. Одним прекрасным утром мы с сестрами брызгаем подмышки розовой водой, заплетаем волосы в косы, надеваем на руки браслеты и все вместе идем благословлять новорожденного. Публика думает, будто у нас, хиджр, для связи с богом выделенная линия, так что, если мы благословляем, это вроде как благословение напрямую от бога. Я трясую дверь счастливого семейства, задвижка глухо лязгает.

– Открой нам, мать! – взываем мы. Наши голоса должны быть слышны в самой глубине большого дома, но никто не выходит. Я отступаю и заглядываю в окно, закрытое кружевной занавеской.

– Мать! – зову я. – Покажи нам ребенка, выходи!

Наконец дверь открывается, и выходит мать, одетая в коротковатую ночнушку. Сальные волосы липнут к черепу, глаза – как будто она только что видела битву. На руках младенец. Зевают эта бедная женщина, как гиппопотам. У меня чувство, что я смогу заставить эту мать воспрянуть духом – вместе с младенцем.

И я беру дитя на руки, вдыхаю молочный аромат его кожи. Глаза мои сразу влюбляются в эти мягкие складочки на запястьях, в перетяжки на пухленьких ножках. Сестры хлопают над ним в ладоши и поют: «Боже, дай этому дитяти долгую жизнь, да пусть никогда не укусит его муравей! Боже, дай этому дитяти счастливую жизнь, пусть никогда не знает он нехватки зерна!»

Ребенок удивлен, смотрит большими глазами. Может быть, он никогда еще не был на улице, никогда не ощущал ни дыма, ни пыли. И уж точно он никогда не видел группу хиджр в их лучшей одежде! Он вопит, ротик открывается, видны розовые десны и розовый язычок, и он вопит у меня на руках, маленький зверек. Мы смеемся. У него все будет хорошо, думаю я, потому что нет у него дефектов, как вот у меня.

У матери вид встревоженный, и она уносит младенца в дом. Мы ждем, что стукнет открываемый отцом или матерью ящик, зашелестят купюры. Но что это? Мать уходит в другую комнату, открывает кран с водой. И я отсюда, поверх всех уличных звуков, отчетливо слышу: она моет руки. Отмывает руки после нас.

Но тут выходит отец и выдает матушке Арджуни, нашей гуру-хиджре, целых три тысячи рупий. Он сдвигает очки на кончик носа, смотрит на нас поверх них, и одна из моих сестер с ним заигрывает, спрашивает про старую микроволновку или старый телевизор. Но он делает несчастный вид:

– Откуда у меня столько денег, сестра? Ты на меня посмотри. Младенец вот только родился, и вообще...

А я лишь пытаюсь разглядеть, что там делает мать у него за спиной в темном коридоре, такими чистыми-чистыми руками.

* * *

Оно не ново, это оскорбление. Но оно и не старое.

Я покидаю сестер и спешу в лавочку сладостей на той же улице. Там внутри тянется длинный застекленный прилавок, а под стеклом – подносы со сладостями. Пирамиды сладостей, есть сухие, есть сочные, и все они меня искушают. Есть тут коричневая пантуа ¹¹, поджаренная в сиропе, есть белый чомчом, такой сладкий, что язык соли запросит, а есть мое любимое – кхир

¹¹ Пантуа – традиционная бенгальская сладость из обжаренных во фритюре шариков из манной крупы, молока, топленого масла и сахарного сиропа.

кадам ¹². Я чую все запахи разом, едва войдя в лавку, можете мне поверить. Я ощущаю даже запах мух, гудящих над несвежими, скисающими в жаркий день сладостями.

– Вот это сколько стоит? – спрашиваю я. – А вот это?

Человек за прилавком ворчит. Недоволен, я знаю, что приходится меня обслуживать. Наконец я беру маленькую расагуллу ¹³ за десять рупий. Продавец подает ее мне в тарелочке, сплетенной из сухих листьев. Я подношу тарелочку ко лбу – благодарю. Купить сладкое – дело немаленькое, на сегодня этого вполне хватит. Вот так и идет моя жизнь: оскорбление в лицо и сладость во рту.

Когда-нибудь я стану кинозвездой, и та мать пожалеет, что мыла после меня руки.

* * *

Вечером, когда сестры приходят ко мне в дом, одетые по такому случаю в нарядные сари, вместе с ними влетают довольные комары размером с птиц. Одна сестра спрашивает:

– Полиция тебя допрашивала?

Дживан учила меня английскому, так что полиция точно придет ко мне с вопросами. Как это они вообще до сих пор не заявили?

В углу комнаты на гвозде висит прядь кабелей. Одна из моих сестер вытягивает оттуда провод и вставляет в ящик старого телевизора на полу. Хлопает ладонью сверху, и телевизор просыпается. Начинается классический фильм: «Встреча, уготованная Богом».

Звучат песни, матушка Арджуни подносит ноутбук ближе к своим старым глазам и сообщает, сколько мы за неделю заработали. Пять тысяч за свадьбу, три тысячи за благословение младенца. Еще несколько сотен рупий из поезда.

Но мои мысли далеко. Кто любит полицию? Нет таких. Но я все-таки надеюсь, что они придут и я смогу им рассказать, что Дживан меня учила английскому. Немыслимо, чтобы Дживан была преступницей. Не может быть. И я хочу рассказать об этом полиции.

– Когда придут, – говорит мне позже матушка Арджуни, – держись с ними поосторожнее. Может, тебе лучше вообще уклониться.

Все мы знаем, что бывает с хиджрами, которые не угодили полицейским. Ладду, наша юная сестра-хиджра, ходила в полицию пожаловаться на приставания констебля, и ее закрыли. Закрыли на очень много-много дней. Когда-то давно я бы удивилась: как такое может быть? Но сейчас я знаю, что вопросы эти бесполезны. В жизни многое происходит совершенно без всяких причин. Можешь просить милостыню в поезде и получить кислотой в лицо. Можешь спрятаться в женском купе для безопасности, и дамы тебя оттуда вышибут.

Меня тоже один раз чуть не арестовали. Констебль по фамилии Четтерджи поймал меня, когда я просила милостыню возле светофора:

– Теперь ты собралась на моем участке этой фигней заниматься?

А я ему так с вызовом:

– А что такого? Уже на улице нельзя постоять?

Как героиня говорила. Просто я была новенькая и не знала, что все могло плохо кончиться. Но он был человек разумный и отпустил меня, когда я купила ему сигарету и поднесла зажигалку.

¹² Кхир кадам – популярная бенгальская сладость из творога, кокоса и пр.

¹³ Расагулла – традиционная сладость в виде маленьких шариков из творога со сладким сиропом.

· Дживан ·

Главное занятие в тюрьме – ждать. Я жду, чтобы Американди получила подтверждение от журналиста и чтобы мадам Ума смотрела при этом в другую сторону. В непроглядно черной ночи я прикидываю, что еще можно сделать. Если бы у меня вместо рук были лопаты, я бы выкопала подземный ход – за стену, где мчатся автобусы, шляются нищие, где женщины в темных очках покупают на ужин отбивные.

Утром я стою в очереди за завтраком. Прошел слух, что Сонали Хан, знаменитая женщина-кинопродюсер, которую знают в каждом доме, была замечена в приемном. Все радуются. Интересно, что она сделала? – гадаем мы. Сбила кого-то машиной? Припрятала деньги в Швейцарии?

– Ничего вы не понимаете, – говорит Американди (она стоит передо мной в очереди). – Это из-за того носорога.

Однажды Сонали Хан прямо из окна автомобиля подстрелила носорога – угрожаемый вид. Вот призрак этого носорога ее и догнал, сейчас она будет за него наказана. Будет жить здесь с нами и рассказывать нам про кино.

– Теперь мы точно получим новый телевизор! – говорит Яшви.

– А этот чем плох? – рывкает на нее Американди. – Если он тебе не нравится, попробуй добыть новый для себя лично.

– Да нет, я...

Яшви опускает глаза к земле. Я знаю: она мечтает о телевизоре, где картинка не прыгает и пульт работает.

Комла, которая ограбила целую семью и отходила железным прутом мать семейства, оставшуюся парализованной, пускает слюну, гадая, какие блюда появятся теперь в тюремном меню.

– Куриное карри! – восклицает она, оглядывая всю очередь от начала к концу. – Точно теперь будет карри из курицы. – Она сует палец в ухо и безуспешно пытается достать там, где чешется. – А может, и баранина... Кто знает?

Я слушаю, но при этом я где-то не здесь.

Мы возвращаемся в камеры, мадам Ума совершает обход, я ловлю ее взгляд.

– Вы моего брата включили в список? – спрашиваю я.

Она смотрит на меня пустыми глазами и идет дальше, позвякивая ключами на поясе. Но Американди, уже считающая своими те двести тысяч рупий, что «Дейли бикон» обещала за интервью со мной, вскакивает и бросается к решетке.

– Ума! – кричит она. – Иди-ка сюда!

Стихает вечный шум и лязг тюрьмы. Мадам Ума идет обратно в полной тишине.

– Ты как сказала? – ласково интересуется она. – Я тебе что, подружка? А ну-ка, говори учтиво!

В соседней камере кто-то присвистнул:

– Прямо как по телевизору!

– Окей, мадам Ума, – говорит моя соседка. – Эта бедная девочка, – говорит она со слезой в голосе, но в то же время громко, чтобы ее слышно было в коридоре, – выпросила у матери гхи, чтобы приготовить для вас лепешку. И вы ей не дадите увидеться с братом? Стыд и срам! Каково будет ее бедной матери?

– Да пусть повидается с хахалем, ради бога! – смеется кто-то из соседей.

Мадам Ума стоит неподвижно. Я выглядываю из-за спины Американди.

– Никогда больше не прерывай мой обход, – тихо говорит мадам Ума.

И уходит.

* * *

Идут недели, но ничего не меняется. Сонали Хан во дворе так и не появилась. В телевизионной – все тот же старый ящик. Каждую неделю женщины возлагают свои надежды на какой-то день: ее точно сюда переведут в воскресенье или в следующий вторник. А потом до нас доходит весть, что Сонали Хан сидит под домашним арестом – то есть живет в своем доме, как прежде. Для богатых даже слово «тюрьма» имеет иное значение. Так можно ли меня осудить за желание стать даже не богатой, а всего лишь из среднего класса?

· Физрук ·

На втором митинге партии Джана Кальян Физрук оказывается близко к сцене.

– Вы своими глазами видите, – продолжает речь Бимала Пал, – что наша партия...

Микрофон начинает хрипеть. Бимала Пал делает шаг назад, публика ревет и размахивает флажками. Физрук тоже машет флажком, сохранившимся с прошлого митинга.

– Вот что наша партия дает всем округам штата, – говорит Бимала Пал. – Завод автозапчастей...

Микрофон вновь срывается в хрип. Кто-то в публике закрывает уши ладонями.

– На заводе найдут работу три! тысячи!..

Снова хрип. Госпожа Бимала со строгим лицом оглядывается в поисках техника. У нее за спиной снуют помощники, ищут звуковика, который, наверное, отошел покурить. Публика начинает скучать, перетаптываться.

В безумии решительности Физрук идет вперед, подняв руку.

– В сторону! – кричит он. – В сторону!

Взбегает через две ступеньки, заверяя телохранителей Бималы Пал, что хочет всего лишь починить микрофон. Дергает провод, проверяет разъем, отодвигает микрофон чуть подальше от оратора. Говорит в него:

– Раз, два, три. Раз, два, три.

Голос звенит над толпой чисто и резко.

Сердце у Физрука успокаивается, стучит медленнее.

Бимала Пал продолжает свою речь, а Физрук, сидя на пластиковом стуле, который ему дал кто-то в глубине сцены, смотрит на огромное количество собравшихся. Их тут несколько стадионов, головы как муравьи. Это тебе не избалованные ленивые ученицы, занимающие его дни, не тетки-училки, после работы ордой бросающиеся смотреть бенгальские детективы и есть китайскую лапшу. Разве был он хоть когда-нибудь среди такого огромного числа патриотов, людей, которые работают на развитие страны, которые сейчас слушают на улице умного оратора, а не дрыхнут дома под одеялом?

Закончив свою речь, Бимала Пал идет в глубину сцены благодарить Физрука. Он вскакивает, складывает руки в приветствии.

– Я всего лишь учитель. – Физрук зачем-то показывает в сторону дороги. – В школе для девочек С. Д. Гхоша.

Бимала Пал заинтересована:

– В той самой школе?

– Да, в той самой, – отвечает Физрук. В школе, где училась террористка. – Мне в школе приходится настраивать микрофоны, вот я и...

Они оба поворачиваются к микрофону. Он выключен, стоит молча на стойке. Кто-то повесил на него цветочную гирлянду.

– Что ж, господин учитель, – говорит Бимала Пал, – нам очень повезло, что вы сегодня пришли.

Жена Физрука вечером скажет: «Это же она тебя выбрала, что ты полез на сцену. Ты разве не знаешь, что политики всегда говорят совсем не то, что думают? Это называется «дипломатия».

Но Физрук радуется. Влиятельная известная фигура его заметила! Помощники за спиной Бималы Пал кивают и бормочут что-то одобрителное.

Бимала Пал закрепляет анчал ¹⁴своего сари на плече и говорит:

¹⁴ Анчал – парадная часть сари, обычно украшенная рисунком или вышивкой, носится на плече.

– Нашей партии нужна поддержка таких образованных людей, как вы. Люди с образованием должны больше интересоваться происходящим в нашем штате, в нашей стране. Видеть на нашем митинге вас, учителя, – для меня радость.

Физрук открывает рот – надо же сказать, что он преподает физкультуру, что он не из тех учителей, о которых говорит Бимала Пал, а всего лишь...

Появляется мальчик с тарелкой самос, а потом всем раздают бирьяни ¹⁵с курицей. Люди, которые пришли на митинг, тоже получают бирьяни вдали от пристальных взоров телекамеры. Берут свои коробки и тихо исчезают.

Но возникает проблема: в поле народу больше, чем коробок с бирьяни. Начинается толкотня. Раздатчик коробок тут же закрывает задние двери фургона. Бимала Пал и ее «шестерки» оборачиваются, и Физрук тоже на все это смотрит.

Недалеко от сцены один человек показывает пальцем на другого:

– Этот вот взял три коробки! Он их к себе в мешок спрятал!

Обвиненный вскидывается:

– Ты кто такой, что меня вором обзываешь?

Кто-то кому-то залепляет пощечину, кто-то кого-то бьет ногой.

Бимала Пал скрывается, прижимая к уху телефон и загораживая микрофон согнутой ладонью – у нее есть дела поважнее. Один из ее помощников оборачивается к Физруку и говорит в шутку:

– Вы только посмотрите, сэр, на этих скандальных детишек!

Другие помощники – молодые люди, каждый с двумя мобильниками, ждут, скрывая усмешку: что станет делать учитель.

Физрук чувствует направленные на него взгляды. Это давление трудно описать, но оно очень сильное.

Он шагает к краю сцены, опускается на колени, садясь на пятки, и вызывает к народу:

– Братья мои! Еда эта – для всех! Зачем же вы деретесь, как дети?

Люди поворачиваются к нему.

– Вы же не дети, – продолжает Физрук, – так почему вы срываете собрание, устраивая вместо него драку? Вы хотите проявить неблагодарность к партии и собравшимся здесь старшим? И на глазах у стоящих вон там репортеров?

– Ты кто такой? – кричит ему кто-то в ответ. – Раскомандовался тут, что мне делать!

Но запал уже выдохся. Люди, ругаясь себе под нос, расходятся. Когда Физрук возвращается на свое место и снова берет коробку бирьяни, его останавливает один из помощников.

– Пожалуйста, секунду, – говорит он. – Рис уже остыл, погодите секунду. – Помощник зовет чайного мальчишку: «Уттам!» – и велит ему немедленно принести «ВИП-коробку», вот прямо сию секунду. И Уттам приносит господину Физруку коробку свежайшего горячего бирьяни с двумя кусками баранины.

* * *

– Я сегодня не голоден, – объявляет Физрук, прибыв домой. – Знаешь с кем я сегодня бирьяни ел? С Бималой Пал!

Жена поднимает глаза от телефона. Тихо, фоном, звучат из телевизора новости. Физрук тяжело садится на диван, берет пульт и прибавляет громкости. Репортер орет в микрофон:

– Предполагаемая террористка распространяла свои антинациональные взгляды весьма современным путем: выяснилось, как именно она использовала соцсеть...

На другом канале рассудительный ведущий сообщает негромко:

¹⁵ Бирьяни – второе блюдо из риса и специй с добавлением мяса, рыбы, яиц или овощей.

– А помимо швыряния факелов в поезд, дорогие телезрители, я вам еще скажу, что она свои антиправительственные взгляды распространяла в соцсети и никто пока не знает, где еще, *многие годы...*

– Ты поосторожнее, – говорит жене Физрук. – В смысле, с тем, что в соцсети делаешь. Там преступников полно.

– Это у тебя голова такими вещами забита, – парирует жена. – Я только кулинарные ролики смотрю, а это совсем другая часть соцсети. За границей люди такие вещи делают – яблочный пирог, например, с готовыми взбитыми сливками! Я такого никогда не видела. Сливки – из баллончика.

Когда Физрук с женой, ложась спать, забираются под москитную сетку, жена все еще восхищается историей, которую он рассказал.

– Представить себе только! – говорит она. – Ты спас положение!

Какой-то комар все-таки пролез под сетку и звенит возле уха, пока наконец жена не дожидается, чтобы он сел, и не прихлопывает его ладонью. На простыне появляется пятнышко крови, а жена берет труп комара, встает с кровати и выбрасывает его из окна.

Она закрывает окно, задергивает шторы, и только тогда говорит:

– Могу я тебе одну вещь сказать?

Он ждет.

– Я ничего не знаю про этих политиков, – говорит она. – Но в нашей стране политика – занятие для бандитов и грабителей, и ты это знаешь.

Физрук вздыхает. Жена продолжает:

– Если ты им полезен – ну, вот как ты им помог, когда их техник оказался не на месте, они тебе делают приятное. На сцене, на глазах у народа, кто не захочет почувствовать себя ВИП-персоной? Но связываться с этими людьми всерьез...

Это уже начинает раздражать Физрука. Он лежит головой на тонкой подушке и думает, почему жена не может вынести, когда у него в жизни происходит что-то интересное. Он чувствует ее обиду, что он уделит мало внимания приготовленной ею рыбе в йогурте. Ей обидно, что муж набил себе живот покупным бирьяни. Но он же мужчина! Он способен на более серьезные вещи, чем съедать приготовленный ею ужин!

– А что такое? – спрашивает он голосом настолько спокойным, насколько это получается. – Чего ты волнуешься? Я всего лишь сходил на митинг.

Она снова ложится в кровать, и молчание ее чем дальше, тем гуще.

– На два, – говорит она наконец. И после паузы продолжает: – Пожалуйста, прошу тебя, – говорит она. – Не ходи ты больше на эти митинги-шмитинги.

Физрук думает об этом еще часа четыре, пока не наступает глубокая ночь, в которой и привычная мебель незнакома, и слышно все – там скрип, здесь стук. Где-то тикают часы, и далеко отсюда воеет сирена «Скорой».

· **Дживан** ·

В этот день посещений на скамейке меня ждет не мать, а какой-то бородатый мужчина. На коленях – матерчатая сумка, у ног пластиковый пакет, и он передает его мне. Прикосновение его мягких пальцев к моим – потрясение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.